Когда отец отпустил меня, я почувствовал, как мой разум перекосялся, когда я выскользнул из своих собственных мыслей и оказался в шкуре бесстрастного наблюдателя. Такое случалось и раньше, обычно после больших перемен или потрясений в моей жизни.

Самое раннее мое воспоминание об этой смеси диссоциации и спокойствия было после того, как меня поймали на первой лжи. Мама усадила меня на крыльцо и рассказала мне самую страшную историю в моей жизни до этого момента. Потом она посадила меня под домашний арест и заперла на веранде до обеда. После того, как стыд, вина, гнев и страх немного утихли, я помню, что чувствовал себя таким несчастным, что задавался вопросом, каково это - просто не быть собой, просто чтобы избежать этих чувств. И не успел я опомниться, как уже был совершенно спокоен, чужой в теле мальчика, смотрящий глазами этого тихо плачущего мальчика

В таком состоянии ума мир казался свежим и новым. Помню, я был совершенно очарован муравьями, которые выползали из травы и решительно взбирались по ступенькам. Голубое небо было над головой, и тепло солнца доносило аромат деревянных балок крыльца. Жизнь кипела вокруг меня. Почему я был так заперт в своей голове и поглощен собственными страхами и чувствами?

Это душевное состояние овладело мной сейчас. Кейден Дандейл был свободен от Пророчества, и его отец гордился им, так о чем же было беспокоиться? Тяжесть, которая давила на меня всего мгновение назад, казалось, исчезла. Это был чудесный, совершеннейший момент, и все в нем было прекрасно. Затхлый запах книг в кабинете. Пыль в воздухе поднималась из потайных ниш, кружась в безумной тишине в лучах света. Стоическая форма полка. Смутная пульсация в коленях от падения на них раньше.

- А теперь, прежде чем ты уйдешь, тебе нужно узнать как можно больше о том, как работает сфера, и тебе нужно кое-что понять о Пророчествах, - сказал отец, кивнув в сторону гостиной.

Я позволил отвести себя к креслу. Пока я шел, я экспериментально напряг фантомную мышцу, которая управляла сферой, и она сделала круг вокруг моей головы, проследила извилистую дорожку вокруг моего туловища, а затем поднялась обратно на высоту плеч. Манипулировать ей оказалось неожиданно легко. Когда мы сели, отец окинул меня оценивающим взглядом.

Он бросился прямо в объяснение, проскальзывая в свой учительский голос.

- Основная функция сферы заключается в применении более сложной версии твоей последовательности блокировки пророчеств. Она освобождает тебя от необходимости концентрироваться на своей последовательности, и в качестве бонуса за то, что она настолько эффективна, она фактически использует меньше аурной арканы, чтобы оставаться активной.

- А есть причина, по которой у тебя их пять? - спросил я. - Неужели защита как-то неполна только с одной?

- Ну, и да, и нет. Мои пять сфер были сделаны по несколько иным принципам. Мои предназначены для работы как массив, чтобы спроецировать поле защиты на область, а не только на себя. Но что еще более важно, существует другой взгляд на Пророческие Цепи, встроены в твою сферу, поскольку я был проинформирован твоим взглядом.

- Чем отличается мой взгляд на Пророческие Цепи?

Он наклонился вперед, глядя на меня поверх сцепленных пальцев.

- Мы углубляемся в очень теоретическую область, Кейден. В арканологии знание часто, хотя и не всегда, является одновременно и инструментом, и оковами. Когда ты знаешь что-то, действительно знаешь что-то, у тебя больше власти и контроля над этим. Но, похоже, это работает и в обратном направлении. Мои исследования Пророческих Цепей привели меня к убеждению, что чем больше ты осознаешь их, тем крепче они держат тебя. Ты только что поделился со мной своим личным, субъективным опытом того, каково это - быть связанным великим Пророчеством. Когда я создавал свои сферы, я знал только свой собственный опыт, связанный с незначительным пророчеством. А теперь я знаю и то, и другое.

Потребовалось мгновение, чтобы до него дошло. Это определенно звучало не очень хорошо.

- Так это значит... у тебя больше власти и контроля над обоими... но каждое из них также имеет больше власти над тобой?

Он кивнул.

- Учитывая мою работу, я защищен от второстепенного... но у меня нет никакой защиты от Главного Пророчества. И теперь, подозреваю, я никогда не смогу ничего возразить против него.

- Если только я не сделаю сферу и не отдам ее тебе, - заметил я. - Я вне его влияния.

- Это стоит обдумать, но не надейся, что все будет так просто, Кейден, - сказал он, со вздохом откидываясь назад. - Даже работа против пророчества твоей сестры, а именно - сделать эти сферы, - требовала много... нестандартного мышления. Я думаю, что главное Пророчество было бы еще хуже.

- Нестандартное мышление? Что ты имеешь в виду?

- Оно подводит меня к сути пророчеств. Даже незначительное пророчество оказывает очень реальное влияние. В самом начале, когда я наметил идеи о том, как помешать ему, я обнаружил, что могу записывать вещи, но если я не буду особенно осторожен, мои заметки будут потеряны или испорчены маловероятными способами. Если бы я попытался полагаться только на память, то мне было бы особенно трудно сосредоточиться, когда мне нужно было

что-то надежно вспомнить. Чем больше я понимал, с чем борюсь, тем труднее становилось бороться.

Он помассировал висок, медленно качая головой.

- В конце концов, вероятности стали становиться все более... опасными. Отвлекающих факторов становилось все больше. Они начали вовлекать весь мир и всех остальных. Небольшие несчастные случаи здесь и там, но только досадные побочные эффекты, никогда не угрожающие жизни. И вот однажды Трисс подавилась рыбьей костью.

- Я помню это,- выпалил я. - Это была та большая рыба, которую мы поймали в озере. Мы начали обедать без тебя, потому что ты был занят.

- Да, - его лицо потемнело. - Я был в своем кабинете, потому что я думал о чем-то, что поможет мне с прорывом, и мне нужно было записать это для дальнейшего использования. А потом твоя мать закричала, и я все бросил. Позже она сказала мне, что была так напугана, что не могла вспомнить основные последовательности, которые решили бы это в одно мгновение. И я знал почему. Это было пророчество, которое теперь мешало мне более непосредственно. Я держал его за руку, и оно не хотело подчиняться.

Я вспомнил все моменты, когда я был на пороге раскрытия статуса Избранного Эмброуза остальным и был прерванным или отвлеченным. Но после того, как я увидел глиф Пророческих Цепей, вмешательство стало более прямым, вплоть до моих последних переживаний, когда я даже не смог поговорить об этом с Девонем.

- Так вот почему ты никогда не работал дома, - медленно произнес я. - Ты ограничил свои исследования другими местами, чтобы не подвергать нас опасности.

- Да. Так что все шло медленно. В конце концов, я понял, что пытаться напрямую атаковать пророчество было глупо. Все, что кристаллизовало бы мое намерение, было бы оспорено. Я должен был работать очень преднамеренно неструктурированным образом, что было немного парадоксально. Честно говоря, не знаю, как мне это удалось. В конце концов, я работал, наверное, с чем-то вроде самообмана. Я очень твердо сосредоточился на том факте, что эта маленькая работа передо мной была просто чрезвычайно увлекательной, и что она не имела никакой практической пользы для меня. И так, по частям, я заложил основы для того, что я смог в конечном итоге собрать воедино в его нынешнем виде.

Я даже представить себе не мог, как это было тяжело.

- То есть ты хочешь сказать, что если мы попытаемся слишком сильно сопротивляться главному Пророчеству, то в конечном итоге пострадаем.

- Да. И тебе нужно понять кое-что еще. Ты свободен от Пророческих Цепей Главного Пророчества, Кейден... но помни, что весь остальной мир все еще заключен в них. Пророчество

все еще может работать вокруг тебя, даже если оно не может работать через тебя. Эта сфера не гарантирует полного иммунитета. И ты не должен недооценивать Пророчество. Я только что узнал это на собственном горьком опыте.

Дрожь пробежала у меня по спине...

Он криво улыбнулся мне.

- После того, как мои пять сфер заработали, и я был здесь, в кампусе, прежде чем ты был зачислен, я был достаточно уверен, что я защищен от пророчества твоей сестры. Но ты, Кейден... дома ты все еще был в плену у него. И я упустил из виду этот факт, так как мне было трудно даже правильно планировать, пока я все еще был связан им.

Мне казалось, что я слышу и вижу это издали. Я мог наблюдать, как крепче вцепляюсь в кресло.

- Что ты имеешь в виду?

- Я имею в виду, что мне удалось защитить себя от пророчества твоей сестры, но не тебя и не твою мать. "Эта дочь будет вашей погубительницей". Ужас ее пророчества в том, что гибель может прийти во многих формах и по многим путям. Похоже, что после того, как я вышел из сферы его влияния, оно перешло к другим, более доступным средствам самореализации.

Клубок разобщенности и безмятежности соскальзывал. Меня прошиб холодный пот.

- Я думаю, оно выбрало тебя, потому что ты особенно подходил для его цели. Умный. Управляемый. Яростно защищаешь Трисс, даже если она действует тебе на нервы. И до этого самого момента, когда я создал эту сферу для тебя, ты был в его плену.

Мысленным взором я видел свою жизнь, раскинувшуюся передо мной как ряд событий, связанных воедино. Между каждым крупным поворотным моментом была серия меньших моментов, каждый из которых казался незначительным и несущественным, но все они были аккуратно нанизаны в связное целое причинностью.

- Должно быть, ему было легко привести тебя сюда, в Академию. Два родителя-арканиста. К какому другому призванию мы бы тебя привели? И для того, чтобы стать движущей силой, все, что требовалось, - это воспользоваться той частью знания, которой мы с твоей матерью по глупости поделились с тобой, - знанием самого пророчества. Мы пытались быть инклюзивными, понимающими родителями. Но добрые намерения никогда не являются щитом от беды.

Теперь звенья становились более четкими. Оглядываясь назад, все это казалось таким очевидным.

- И даже тогда это знание, вероятно, было неполным. Потому что я никогда не объяснял тебе, на что пророчество нацелено. Видишь ли, его доставили лично мне, а не нам как семье. Ее пророчество - моя погибель. И, может быть, если бы я помог тебе понять это, ты был бы менее увлечен этим, менее склонен нарушать его. Но опять же... скорее всего, нет. Потому что ты тоже заботишься обо мне.

Это было похоже на игру в шахматы в обратном порядке и возможность проследить, как каждый шаг неумолимо вел к этому моменту.

- Значит, оно привело тебя сюда, в сферу влияния Избранного, у которого было собственное облако Пророческих Цепей, чтобы заманить тебя в ловушку. Судьба знает, какими безумными были твои первые недели. Но все это привело тебя сюда, ко мне, где все было готово для того, чтобы ты очаровал меня новым пониманием Пророческих Цепей. У тебя была причина. У тебя было знание. И у тебя было мое разрешение.

Мое сердце не могло опуститься ниже, чем уже упало.

- Теперь я связан с Пророчеством Избранного теснее, чем когда-либо, если бы был предоставлен самому себе.

Судьба. О, Судьба.

- Как видишь, хотя я и был защищен от его прямого влияния... пророчество твоей сестры, похоже, все-таки сбылось. И вот я здесь, переданный одним пророчеством, предназначенным для моей гибели, прямо в руки Главного Пророчества. Не нужно большого воображения, чтобы догадаться, что со мной будет.

Я был на ногах и не мог вспомнить, когда решил встать. Кровь стучала у меня в ушах, но я слышал ее с тем странным чувством отстраненности, которое добавляло очарования тому, как тепло было на моем лице и шее.

- Почему ты не остановил меня? - Я услышал, как задыхаюсь.

- Я не знал, Кейди, - тяжело проговорил он. - Нет, пока ты не поделился со мной своим видением Пророческих Цепей.

Теперь я не мог стоять спокойно. Я расхаживал по комнате, стараясь смотреть на что-нибудь другое, куда угодно, только не на человека, которого обрек. Обои, ножка стола, книжная полка, туфли, спинка стула, потом снова обои.

- Я сделал это с тобой. Как ты можешь гордиться мной?

- Кейди, остановись. - Я обнаружил, что меня крепко обнимают. - Остановись.

Тепло было уже не только в ушах, лице и шее. Оно текло из моих глаз, пятная мое лицо. Оно обжигало мне горло.

- Я сделал это, - прошипел я сквозь стиснутые зубы, уткнувшись лицом в его плечо. - Я сделал это, я сделал это...

- Это моя вина, Кейди. Не твоя. - Его хватка стала крепче, а голос надломился. - И я, как отец, имею право гордиться сыном, который не сделал ничего, кроме любви к своей семье, и который упорно трудился, чтобы осуществить свои мечты, будь проклята Судьба.

Да... Будь проклята Судьба. Клубок разобщенности и безмятежности снова скользнул по мне, и я смог думать, не обращая внимания на тоску. Часть меня наблюдала, как я плачу в плечо отца, а другая часть рисовала будущее, излагая свой собственный план войны. Холодная решимость поселилась в моем сердце. Будь проклята Судьба.

<http://tl.rulate.ru/book/53486/1357512>